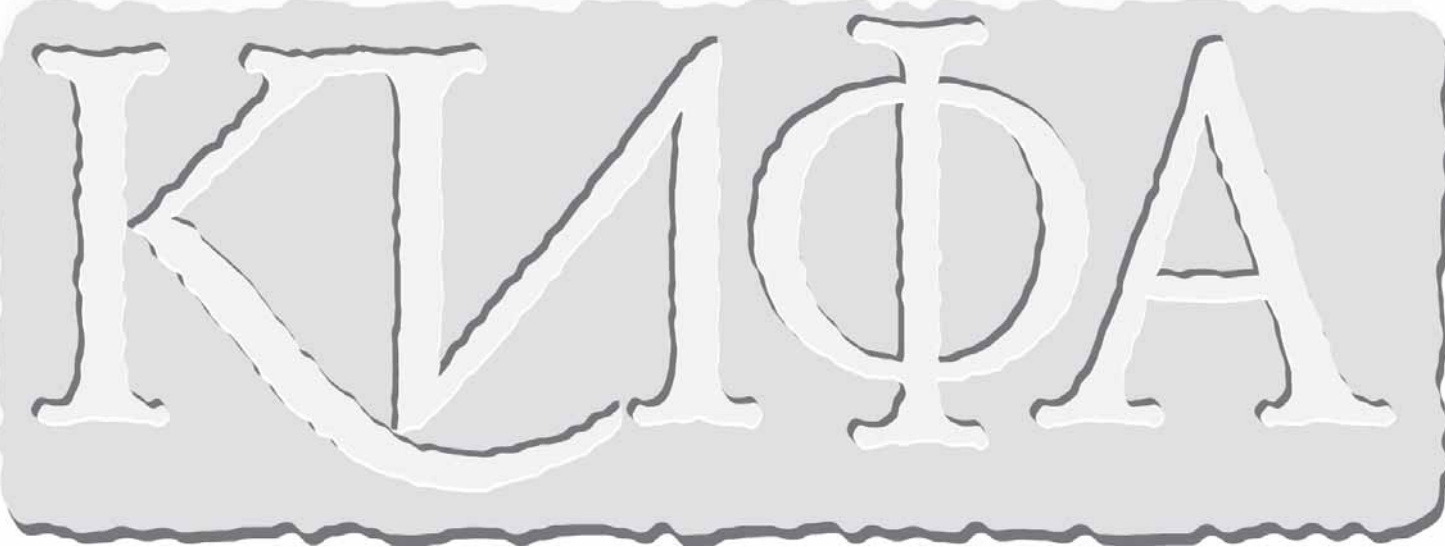

14 (88)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ
БРАТСТВ

НОЯБРЬ
2008

в газете использованы
материалы сайта sfi.ru
электронная версия газеты
gazetakifa.ru

ЛЮБИ ЦЕРКОВЬ БОЖИЮ, И ТЫ НИКОГДА НЕ ПРИЧИНИШЬ ЕЙ ЗЛА

Интервью с архиепископом Костромским и Галичским Александром, председателем Синодального отдела по делам молодежи

На фото: архиепископ Костромской и Галичский Александр (в центре), Сергей Гаврилов (справа). СПб. Епархиальное управление. Конференция памяти митр. Никодима (Ротова).

Кифа: Ваше Высокопреосвященство, что для нас, молодых людей, пришедших в церковь в конце 90-х–2000-х годах, и для читателей газеты «Кифа» сегодня является наиболее актуальным?

Архиепископ Александр: Мне вспоминаются удивительные слова моего духовного отца, владыки архиепископа Мелитона, ему посчастливилось видеть о. Иоанна Кронштадтского. Вот из уст такого светильника Церкви, праведника он

услышал следующие слова: «Люби Церковь Божию и ты никогда не причинишь ей зла!» Своей жизнью, своей любовью к Церкви приснопамятный владыка Никодим, которого мы особо вспоминаем в этом году в связи с тридцатилетием его кончины, показал глубину, всю внутреннюю суть того, как нужно относиться человеку, который носит на груди крест, который называет себя христианином, к Церкви Божьей — любить Церковь сполна, всей душой. Это очень высоко, это очень мощно, сильно, и мне кажется, когда сегодня многие люди открывают для себя красоту Святого православия, приходят под сень церковную, переступают порог врат, которые его ведут в ограду духовной жизни, очень важно, чтобы пастыри смогли перед современным молодым человеком суметь доступным языком, силой духа, творческим горением раскрыть красоты жизни во Христе, полюбить Церковь по настоящему. Вот если это будет, если молодые люди смогут сердцем, душой, интеллектом воспринять все это, а святые подвижники говорили, что обязательно в гармонии должно быть *cardio* (сердце) и *ratio* (разум), вот если все это будет вместе с любовью, искренно, творчески, Господь миром и щедротами благословит всех тех, кто ищет Его. Мне хотелось бы пожелать, чтобы как можно больше молодых людей, кто стремится познать смысл жизни в этом мире, кто искренне и глубоко хочет ответить на трудные вопросы — чтобы они пришли ко Христу, чтобы свет Христов просветил их, ибо Христос — Свет просвещающий всякого человека, приходящего к Нему. Я хочу пожелать, чтобы вера наполнила молодые сердца наших соотечественников, чтобы как можно больше людей стали по-настоящему искренними последователями распятого и воскресшего Христа!

Беседовал Сергей Гаврилов.

Интервью дано во время конференции памяти митр. Никодима (Ротова), прошедшей в Санкт-Петербурге 5 сентября 2008 г.

ПРОСТРАНСТВА, КОТОРЫЕ МЫ РАЗДЕЛЯЕМ

Интервью* с социологом Борисом Владимировичем Дубиным («Левада-центр»)

Анна Алиева (Информационная служба СФИ): Борис Владимирович, встречали ли Вы в современном обществе примеры торжества пустоты? Если да, то какие из них, на Ваш взгляд, наиболее болезненны?

Б. Дубин: Это огромный вопрос. Ведь пустота себя пустотой не показывает, она предстает в других обличьях и может выглядеть весьма активной, динамичной, многословной, яркой. Мне представляется, что большая часть того, что показывают сегодня по телевизору и что смотрит по три-четыре часа в день большая часть российского населения (действительно большая, по нашим данным — процентов под девяносто, причем это и люди с образованием, и люди с привычкой думать — в общем, это касается едва ли не всех) — это, извините за невольную игру слов, полное воплощение пустоты. Это мелькание, за которым и в котором ничего нет. Ведущие и участники телевизионного зрелища — какая-то пародия на то, что могло бы быть источником хоть какого-нибудь смысла. Это пародия на соревнования с подчеркиванием того, что они дурацкие, что нелепо соревноваться в этом, и награда за это нелепая, и все нелепое. Это про-

сто открытое дуракаваляние в юмористических передачах. Все это отнюдь не безобидно, потому что одно из свойств такого рода пустоты — то, что она затягивает в себя как раз очень основательные и не на поверхности лежащие вещи, например, отношение к другим людям, в том числе к другим по национальным или религиозным признакам, по политическим пристрастиям. И в этом дуракавалянии вдруг ты видишь, что, например, про американцев, или грузин, или украинцев иначе, как про дураков, не говорят.

И все это занимает у людей огромное количество времени. На вопрос: «Почему Вы стали мало читать?» обычно отвечают: «Ну, Вы знаете, времени не хватает». В то же время оказывается, что на просмотр телепередач тот же человек тратит три-четыре часа в день, четыре-пять по субботам, воскресеньям, в праздничные дни.

А. Алиева: Это по стране?

Б. Дубин: Это в среднем по стране. Вообще, я так допускаю, люди и больше смотрят, это мы «среднюю температуру по больнице» меряем.

Поэтому, в каком-то смысле, этим проявлением пустоты или бессмысленности, обесмысливания всего окружающего, им просто-таки нет числа в нынешней российской жизни. Как раз напротив, очень трудно встретить — тем

Борис Владимирович Дубин

более в публичной сфере, за пределами отношений близких людей, знающих друг друга или по-дружески, или профессионально, или конфессионально, или еще как-то — проявления чего-то не пустого. Появление на том же телеэкране, или в газете, или на площади человека, который говорит о том, что важно для него и для кого-то еще, о том, что его

Продолжение на с. 6, 7

(Фото Кирилла Мозгова)

В номере:

...Живые камни, устройте из себя дом духовный

Главы из доклада протоиерея Виктора Потапова на конференции «Православие в XXI веке»
С. 2

Нам не хватило 5–10 лет истории...

Интервью с духовным попечителем Преображенского братства сваш. Георгием Кочетковым
С. 4

«Евангелие не меняется, это мы начинаем лучше понимать его»

О встрече с римской общиной св.Эгидия группы братьев и сестер Преображенского содружества малых братств
С. 5

Преодолеть постмодерн надо в себе. Постмодерн в церковной ограде

Фрагменты полемики Григория Гутнера и Бориса Колымагина, участников Международной конференции «Духовное противостояние пустоте в церкви и обществе»
С.7

Образ религии в российских СМИ. «Какие новости в Церкви?»...

фрагменты статей Романа Лункина и Андрея Зайцева из сборника «Школа конфессиональной журналистики «Вода живая»: Материалы семинаров 26-28 мая 2008 года»
С.8

В приложении «Открытая встреча» — ответы на вопросы и продолжение публикации глав из «Ленинградского мариолога»

...ЖИВЫЕ КАМНИ, УСТРОЯЙТЕ ИЗ СЕБЯ ДОМ ДУХОВНЫЙ

Главы из доклада протоиерея Виктора Потапова на конференции «Православие в XXI веке» в г. Ири (штат Пенсильвания, США) 17-20 июня 2008 г.

Древнее латинское изречение гласит: «одиноким христианам — не христианам». Нельзя быть христианином в отрыве от других верующих во Христа и вошедших в Его Церковь. По слову русского богослова Сергея Иосифовича Фуделя, «Церковь — это прекращение одиночества».

Христианство есть всегда общность, то есть Церковь. По-гречески слово Церковь — Экклесия, означает «собрание», «созывание». Это слово употреблено Самим Спасителем, основателем Церкви и вслед за Ним Его апостолами. В этом смысле существует несомненная преемственность между Ветхим и Новым Заветами. Христиане со дня Святой Пятидесятницы ощущали себя как «новый Израиль», как народ, призванный и освященный Богом во Христе.

Новый Завет не знает этнических границ, его призыв обращен ко всем людям вне зависимости от их происхождения, языка и прежних верований и традиций. Они входят в Христову Церковь, и именно принадлежность к Церкви, а не просто принятие новозаветного учения, составляет основу их единства со Христом и друг с другом.

В основе нашей веры лежит призыв любви к Богу и к человеку. Откровение о возможности такой любви и призыв к ней суть безусловный лейтмотив всего евангельского благовестия. Искренняя любовь к Богу и готовность жить по Его заповедям есть трудный подвиг, на который эгоистические натуры не способны. Любовь к Богу, ощущение себя гражданином Царства Божьего исключает помысел о личном спасении только — христианин стремится не только к обновлению и спасению своей собственной души, но и своих ближних, и всего творения.

Как пишет С.И. Фудель, «...Церковь начинается там, где, по слову Христову, “двое или трое собраны во имя Его”. Не там, где “один”, потому что любовь начинается только там, где “двое или трое”. “Двое или трое” — это первичная клетка любви, а Церковь начинается там, где преодолевается самость, обособленность, где начинается любовь».

ПЕРВИЧНАЯ СТРУКТУРА ВСЕЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

Церковь Христова, обнимающая и небо, и землю, и прошедшее, и настоящее, и будущее, имеет на земле свое подобие — церковный приход. Можно сказать, что приход — это первичная структура Вселенской Церкви.

В послании к жителям малоазийского города Ефеса ап. Павел пишет о Спасителе: «Он есть мир наш, соделавший из обоих одно...», то есть соединивший то, что было разделено, разорвано надвое грехом. Соединение со Христом в Таинствах Церкви возвращает человеку первоизданную цельность, делает его, по словам того же послания ап. к Ефесянам, «своим Богом».

Мы — «свои Богу», когда мы в Церкви, потому что Церковь Христова донныне совершает дело Божие в мире. Таким образом, Церковь, Тело Христово, тот живой организм, который один на земле сопротивляется нарастающему хаосу, зла, разделенности. Мы с вами — члены Тела Христова, его органы. Когда части целого организма работают слаженно, когда все органы тела помогают друг другу, тело живет. Если один орган вступает в противоречие с другими, обособляется, забывает о том, что его назначение — служить другим, тогда тело перестает быть телом и становится трупом.

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ

Большинство людей, приезжающих к нам из России или приходящих к Святому Православию из других вероисповеданий, не «рождаются» в Церкви, а приходят в нее уже в сознательном возрасте. Человек входит в новую, совершенно незнакомую для него еще церковную жизнь, жизнь чужую, которая, однако, обязательно должна стать своей. Воцерковление, вращение человека в организм Церкви, его вхождение в ее жизнь должно быть настолько глубоким, что эта жизнь становится в полной мере и его жизнью.

Воцерковление может проходить иногда быстро, иногда медленно, иногда легко, иногда с большими затруднениями. К сожалению, неминуемы на его пути и

ошибки, и разочарования, и скорби. Избежать всего этого вполне нельзя. Но помочь человеку, пришедшему в Церковь, пока он твердо станет на ноги, — это входит в одну из главнейших и насущных задач каждого прихода и каждого его члена.

Реальность нашей церковной жизни такова, что большей частью мы можем предложить вступившим в Церковь всего две вещи: участие в богослужении и индивидуальную аскетическую жизнь, сводящуюся по большей части к правилам, запретам и долженствованиям. Очевидно, что церковная жизнь не ограничивается этими двумя пунктами. Церковность предполагает активную жизнь, охватывающую все сферы человеческого бытия. Эта жизнь устроится по Евангельским началам и проникается благодатью Св. Духа — тогда только она удовлетворяет религиозному устройству человека, особенно в юном возрасте. Молодѣжи более, чем кому-либо другому, нужно церковное дело, церковное общение.

Отраднее наблюдать, как в приходе складываются между людьми добрые, искренние отношения. И столь же горько наблюдать, как со временем они нередко разрушаются, а то и просто перерастают в какое-то взаимное отчуждение, непонимание и даже неприязнь.

Наш долг — быть выше каких бы то ни было несходств и разногласий в мелочах, мы призваны покрывать немощи тех, кто рядом с нами, покрывать их любовью, и, по слову ап. Павла, — «носить тяготы друг друга и таким образом исполнять закон Христов».

КАТЕХИЗАЦИЯ

Катехизация — изустное наставление в христианской вере обращающихся к Церкви и принадлежащих к ней — обязательно должна проводиться в рамках приходской жизни. Она должна осуществляться в проповедях с амвона, в приходской школе, в открытых и частных беседах, на специальных курсах.

Современное богослужение мало доступно воцерковляющемуся человеку, труднопознаваемый язык и закрытость Евхаристических молитв затрудняют его осознанное участие в богослужении. В самой богослужебной жизни прихода нередко отсутствует акцент именно на Евхаристии. Это приводит к тому, что евхаристическое сознание наших прихожан не формируется, их живое участие в литургической жизни, понимание глубины и красоты нашего богослужения подменяется вычитыванием всевозможных правил; тем самым духовная жизнь постепенно атрофируется или вырождается в законничество и фарисейство.

Главная задача катехизации — воспитание любви к Богу и людям, благоговение перед Церковью и её Таинствами. Катехизация призвана побуждать человека к осознанной церковной жизни в том служении, к которому человек призван, к чему имеет дар от Бога. Плодами катехизации являются обретение православного мировоззрения и воцерковление, то есть сознательное вхождение в жизнь Церкви, регулярное участие в ее таинствах и, прежде всего, в святой Евхаристии. Помимо внушения осознанного участия в Евхаристии, важнейшей составляющей катехизации является научение нравственности, духовной жизни, молитве и делам любви к ближним, ибо, по слову ап. Иакова: «Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: «идите с миром, грейтесь и питайтесь», но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе».

В докладе протоиерея Николая Карыпова, прочитанном им на 13-м Съезде Сиднейской и Австралийско-Новозеландской епархии, перечисляются некоторые конкретные меры для более эффективной катехизации нашего церковного народа:

«а) Подготовка людей к крещению. Это должно относиться не только к взрослым, кто должен пройти подготовку в течение 6-12 месяцев или больше, но также должно включать по крайней мере 2-3 подготовительные сессии с родителями и крестными крещаемых детей.

б) Подготовка молодых людей к венчанию: объяснять, что такое христианский брак, что такое любовь. Да, да — людям сейчас нужно это объяснять, а то число разводов будет расти.

в) Помогать людям во время их скорби после потери близких, объясняя причину и необходимость молитвы за умерших.

г) Организация системы посещений духовенством и мирянами престарелых и больных людей.

е) Организация хорошего качества библиотеки духовных книг, журналов, видео- и аудиокассет и компактных дисков. Мы можем и должны наладить систему небольших публикаций, производить запись видео- и аудиоматериалов поучительного и познавательного характера.»

Все вышеизложенные предложения о. Николая без особого труда могли бы быть осуществлены в большинстве наших приходов.

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА

Наши приходы будут процветать только в том случае, если мы, русское их ядро, вдохновленные евангельским повелением, будем делиться бесценным сокровищем нашего Православия с теми, кто жаждет его. Если мы откажемся это делать, Господь может отнять у нас то, что имеем.

Старшее поколение эмиграции вымирает, молодое ассимилируется. Для нашей молодежи, как и для большей части новопривезших прихожан, церковнославянский язык не понятен.

Литургический язык Русской Церкви дивный, благозвучный, благозвучный, но для многих он стоит преградой к полному воцерковлению.

Вспомним Святую Пятидесятницу. После чуда сошествия Святого Духа на апостолов ученики Христовы сразу понесли дар благодати Святого Духа людям: выйдя к народу, они начали проповедовать Благою Весть, Евангелие Христова на языках, понятных всем окружающим их.

Господь хотел, чтобы Его учение было понятным. Потому Святой Дух и дал ученикам дар языков, чтобы их можно было понимать. Таким образом, дар Святого Духа, для апостолов ставший даром миссии и проповеди, для людей стал даром понимания.

Понятность евангельской проповеди стала основой апостольской миссии и осталась таковой на всем протяжении истории Православного Христианства. Это так хорошо усвоили и поставили во главу угла своего миссионерского служения такие светилы России Российской Церкви, как св. Стефан Пермский, св. Иннокентий Московский, преп. Герман Аляскинский, св. Тихон Московский, св. Николай Японский, св. Иоанн Шанхайский и многие другие.

В наших храмах раздаются умирительные звуки наших песнопений, произносятся проповеди, читаются тексты Священного Писания. И далеко не всегда это богатство богослужебного, богословского, проповеднического материала существенно отражается на образе нашей жизни.

Почему? Потому что мы слушаем, но не слышим. Мы даже принимаем все, что слышим, интеллектуально, эмоционально, эстетически, но не даем слушаемому проникнуть в глубину нашего сердца. Мы даже не всегда любим «понятное», нам кажется, что все священное должно быть «мистическим», а потому непонятным. Мы не даем возможности Слову (Христос-Логос-Слово) войти в нас, пройти через наш разум и зажечь наше сердце. Другими словами, мы пренебрегаем другим даром Пятидесятницы: даром слышания. Слушать и слышать — две разные вещи. Дар языков был дан апостолам, а через них и всей Церкви не для того, чтобы люди могли их слушать, а для того, чтобы они слышали их учение, Христову весть, которую они несли миру, которую продолжает нести миру наша Церковь. Слышание налагает совсем другие обязательства, чем слушание. Слушаемое можно легко забыть. Услышанное остается не только в памяти, оно должно коснуться сердца. И если оно неполностью той силой, которую ему дал Христос, оно должно потрясти сердце, открыть внутреннее зрение, как это случилось с апостолом Павлом на пути в Дамаск.

Всем нам надо услышать Слово Божие и дать ему преобразить жизнь и разрешить возникшую в наших приходах языковую проблему. По моему глубокому убеждению, во всех приходах русского рассеяния, наряду с церковнославянским на богослужениях должны звучать языки данной страны. В приходах Северной Америки, Великобритании и Австралии — английский язык, в Южной Америке — испанский или португальский, во Франции — французский и так далее. Благо, что за все годы нашего рассеяния самоотверженные чада Русской Православной Церкви Заграницей трудились и продолжают трудиться над переводами богослужебных текстов.

Приходы Русской Православной Церкви Заграницей объединяют разных людей — разных по национальности, темпераменту, жизненному опыту и душевному устройству. Но то, что объединяет нас, гораздо больше всего того, что могло бы разъединять. Объединяет нас Христос, любовь Которого достигает каждого человека, не гнушается никем, не отвергается ни от кого.

Мы должны постоянно помнить, что к каждому приходящему в наши приходские храмы мы обязаны отнестись со всяким вниманием и любовью, быть к ним открыты, благожелательны, приветливы. Каждый переступающий порог храма — потенциальный член Церкви. Не приведи Господь отвернуться от кого-либо, огорчить или отвергнуть кого-либо.

Мы составляем Церковь воинствующую, подобную кораблю, в котором сообра спасаемся от грозящей душе непогоды беспокойного житейского моря. Надо внушать нашим людям, что они не пассивные пассажиры на этом корабле, а члены его экипажа, которые каждую минуту борются, чтобы достигнуть спокойствия вечной жизни.

Само собой разумеется, если бы приходская жизнь в нашей Церкви стояла на подобающей высоте, если бы члены прихода чувствовали себя живыми и деятельными членами церковной общины, если бы все были воодушевлены желанием поработать для общего дела Божия, если бы все сознавали всю важность церковного единения и тесного взаимоотношения, — тогда приходская жизнь была бы ключом. Тогда процветала бы и приходская благотворительность, и церковное хозяйство; нравственно-просветительные задачи в приходе выполнялись бы с надлежащим усердием. Тогда и пастыри Церкви получали бы всестороннюю поддержку и дух пастырской ревности, сопутствуемый всеобщим сочувствием и поддержкой, вскрыл бы служителей алтаря Господня к высшим подвигам служения.

От возрождения приходской жизни зависит благосостояние полноты нашей Церкви. До большевистского переворота 1917 г. лучшие умы в России в крепких православных приходах видели надежное средство к защите от натиска безбожного разложения. Этот вопрос широко обсуждался на Всероссийском Соборе 1917-18 гг., который, увы, так и не смог претворить в жизнь реформу приходской жизни...

Большевики тоже понимали потенциально возрождающую силу первичной структуры Церкви и посему столь яростно ополчились против приходов. Когда безбожники осознали, что физические уничтожить Церковь не удастся, они коварно перешли к попыткам внутренне разложить Церковь, навязав ей всякие «лояльности» и заменили приходы пресловутыми так называемыми «двадцатками», состоявшими в основном из сексотов или просто коррумпированных товарищей.

Нужно возродить в нашем соборном сознании — в сознании пастырей и пасомых — высокую идею церковной общины и прихода. Нужно проникнуться мыслью, что для борьбы со злом внутренним и внешним необходимо тесное объединение, чтобы прихожане почувствовали потребность вместе спасаться, совместно бороться со злом и строить жизнь дружной приходской семьи, которая бы одним духом дышала, одним сердцем любила, одними духовными очами смотрела на жизнь и сплоченно отзывалась на то, что происходит вокруг.

В СТАМБУЛЕ ПРОШЛО ВСЕПРАВОСЛАВНОЕ СОВЕЩАНИЕ

С 10 по 12 октября в Стамбуле прошло Все-православное совещание, которое было создано по инициативе патриарха Константинопольского Варфоломея с целью отметить таким образом 2000-летие св. апостола Павла, предположительно родившегося около 8 года от Р.Х.

Совещания глав православных церквей проводятся с 1992 года с целью координации позиций и действий Поместных православных церквей по актуальным вопросам современности и демонстрации единства вселенского православия. Подобные встречи проходили в 1992 году в Стамбуле, в 1995 году на острове Патмос, в 1998 году в Софии, в 2000 году в Иерусалиме, Стамбуле и Никее Вифинской (современный город Изник), в 2005 году в Стамбуле.

Результатом встречи стало совместное послание, фрагменты которого мы приводим ниже:

«3. Вдохновляемые учением и деятельностью апостола Павла, мы, во-первых, отмечаем важность, которую имеет для жизни Церкви и особенно для нашего общего служения миссионерское поручение, согласно последней заповеди Господа: «И будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. 1. 8). Благовестие народу Божию, а также и не верующим во Христа составляет высший долг Церкви. Этот долг не следует исполнять агрессивно или посредством различных видов прозелитизма, но в любви, смирении и уважении к идентичности каждого человека и культурным особенностям каждого народа. Все Православные Церкви должны вносить свой вклад в эту миссионерскую деятельность при уважении канонического порядка.

6. Православные христиане разделяют с другими религиозными и нерелигиозными людьми планеты ответственность за современный кризис, потому что они безрассудно попустительствовали злоупотреблениям свободы или примирялись с ними, не противостоя им достойно словом веры. Таким образом, их величайшим долгом является вклад в преодоление разделений мира.

8. Пропашь между богатыми и бедными драматически разрастается вследствие экономического кризиса, который является результатом извращенной экономической деятельности, лишенной человеческого измерения и не служащей подлинным потребностям человечества, а также погони финансистов за наживой, часто приобретающей маниакальный характер. Жизнеспособна лишь такая экономика, которая сочетает эффективность со справедливостью и общественной солидарностью.

11. Мы твердо поддерживаем все мирные усилия, направленные на справедливое разрешение возникающих конфликтов. Приветствуем позицию Русской и Грузинской Церквей во время недавнего конфликта и их братское сотрудничество. Таким образом, обе Церкви исполнили долг служения примирению. Мы надеемся, что взаимные усилия Церквей будут содействовать преодолению трагических последствий военных действий и скорейшему примирению народов.

12. В нашу эпоху нарастающих смут институт брака и семьи переживает кризис. Церковь в духе понимания новых сложных социальных условий должна изыскать способы духовной поддержки и укрепления молодежи и многодетных семей. В особенности мы обращаемся к молодым, чтобы призвать их принимать активное участие как в богослужбной жизни, так и в миссионерской и социальной деятельности Церкви, дабы они могли принести ей свои заботы и чаяния. Ведь молодежь — не только будущее, но и настоящее Церкви.

На Фанаре, 12 октября 2008 года. Документ подписали (далее приводятся подписи представителей всех Поместных православных церквей)».

В ходе встречи были достигнуты важные договоренности, позволяющие избежать в дальнейшем напряжений и конфликтов, связанных с участием в последних подобных совещаниях представителей юрисдикций, признанных лишь частью поместных церквей (прежде всего речь шла об ЭАПЦ — юрисдикции, существующей в Эстонии параллельно с Эстонской православной церковью Московского Патриархата).

Эти договоренности, по мнению представителей Русской православной церкви, позволяют надеяться на выход из тупика переговоров по подготовке Великого Собора Восточной Православной Церкви. Такое мнение высказал 16 октября прот. Николай Балашов, секретарь по межправославным отношениям Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. «Вопрос о проведении общеправославного Собора, который принял бы решения по ряду вопросов, до сих пор не подвергавшихся рассмотрению на таком уровне, активно обсуждается с начала XX века», — напомнил отец Николай. По его словам, попытки созвать такой форум были в 20-е и 30-е годы, но церковные иерархи осознали, что он несвоевременен, поскольку крупнейшая в мире Русская православная церковь не сможет в нем участвовать из-за притеснений советской власти. Только после Второй мировой войны вновь был поднят вопрос о подготовке такого собора.

В КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ НАЧАЛИ ПЕРЕВОД БОГОСЛУЖЕНИЯ НА УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК

Преподаватели Киевских духовных школ переводят на украинский язык богослужение и богословскую терминологию, сообщает Богослов.Ru.

Богослужение на украинском языке уже давно практикуется на Западной Украине — в Тернопольской, Ивано-Франковской, Львовской, Ровенской епархиях. Однако часто богослужение, совершаемое на украинском языке, содержит ошибки и неточности.

С целью достижения богослужебной унификации и исправления ошибок дело перевода было поручено преподавателям Киевской духовной академии, кото-

рые будут работать над данным проектом в сотрудничестве со светскими филологами-специалистами.

Вторым важным проектом, порученным КДА священноначалием УПЦ МП, стало создание богословской терминологии на украинском языке. На состоявшемся 12 сентября заседании ректоров и проректоров духовных учебных заведений Украинской церкви был поставлен вопрос о негативном влиянии отсутствия богословской терминологии на украинском языке на образовательный процесс духовных школ Украины.

<http://www.pravoslavie.ru/>

ЧЛЕН СИНОДАЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО КАНОНИЗАЦИИ ВОЗМУШЕН РЕАБИЛИТАЦИЕЙ НИКОЛАЯ II

Член синодальной комиссии Русской православной церкви по канонизации протоиерей Георгий Митрофанов считает избирательной произошедшую недавно реабилитацию президиумом Верховного суда РФ членов семьи Николая II.

«Я испытываю чувство глубокого неудовольствия происшедшим, и даже больше — у меня эта реабилитация вызывает возмущение. Эти ощущения имеют место в моей душе далеко не случайно», — сказал отец Георгий в интервью официальной радиостанции Санкт-Петербургской митрополии «Град Петров».

По его мнению, «произошла некая избирательная реабилитация». «Возможно, она и станет когда-либо более широкой. Однако остается вопрос: а на каком основании происходит эта реабилитация? Разве они стали жертвами государства, легитимность, правовой статус которого может быть признаваем в современной России?» — поставил вопрос священник.

Он считает, что «нужно не реабилитировать жертвы этого режима, а нужно дать правовую и нравственную оценку самому этому режиму», причем оценка того режима может быть только одна: «он был не просто незаконным — он был преступным».

«И как же в таком случае можно ставить вопрос о реабилитации жертв преступного режима!» — сказал отец Георгий.

Он указал на то, что произошла реабилитация последнего российского императора и членов его семьи, канонизованных Русской православной церковью в 2000 году.

«А вспомним ли мы затем о преподобномученице Елизавете Федоровне, о слугах царской семьи? Будем ожидать их реабилитацию? Потом, возможно, в связи со столь громкой премьерой фильма «Адмирал» поставят вопрос о реабилитации адмирала Колчака, утопленного в Ангаре в 1920 году», — предположил священник.

По его словам, «остаются тысячи, сотни тысяч, а может быть, даже миллионы тех, кто умирал в лагерях и спецпоселениях». «Как будет обстоять дело с их реабилитацией? Я не верю в то, что все эти страдалцы будут у нас реабилитированы. То же самое можно сказать и о других членах императорской семьи, например, о великом князе Михаиле Александровиче», — заявил отец Георгий.

Протоиерей Георгий Митрофанов по поручению Синодальной комиссии по канонизации с 1992 года готовил материалы к канонизации императорской семьи, делал исторические справки на темы, могут ли «кровавое воскресенье» и отречение быть препятствиями к канонизации, составил житие членов царской семьи.

<http://www.interfax-religion.ru>

Легитимная власть не должна осуществляться преступными методами

Заявление приходского собрания храма св. Жен Мироносиц в управление юстиции и прокуратуры Пскова

Обращаемся к организациям, которым в порядке ст. 25 пп.1-2 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 01.10.1997 г. (далее ФЗ «О свободе совести») поручен надзор и контроль за исполнением законодательства. Мы обжалуем незаконные действия благочинного г. Пскова гр. И. Муханова и настоятеля храма св. Жен Мироносиц гр. С. Иванова.

1. 08 сентября 2008 г. Иванов и Муханов попытались созвать Приходское Собрание общины тайком от учредителей и членов Приходского Собрания из лиц, не являющихся членами Приходского Собрания. Иванов и Муханов подменили законный состав Приходского Собрания лицами, которые не были членами Приходского Собрания. Учредители и члены Приходского Собрания не были оповещены письменным или устным объявлением. Не объявлена заблаговременно повестка дня, не избран секретарь и не вёлся протокол Приходского Собрания, как требует Устав Прихода ст. 27.

Подмена учредителей и членов Приходского собрания нарушает ст. 23 - 24 Устава местной православной религиозной организации Прихода Свв. Жен Мироносиц г. Пскова, зарегистрированного органами юстиции Псковской обл. 10 мая 1999 г. (далее Устав Прихода).

«В состав Приходского собрания входят священнослужители Прихода, его учредители, а также прихожане. Приём в члены Приходского собрания и выход из него осуществляется на основании заявления гражданина, решением Приходского собрания» (Устав, ст.23-24). Граждане Муханов и Иванов грубо нарушили права учредителей и членов Прихода св. Жен Мироносиц.

2. На собрании гр. Муханов заявил, что желает переизбрать весь состав Приходского Собрания, в нарушение Устава Прихода и ФЗ «О свободе совести, устанавливающих добровольность участия граждан в Приходском Собрании (Устав Прихода ст.19; 24 и ФЗ «О свободе совести» ст.6,1;8,1). Благочинному и настоятелю храма не предоставлено право изменять состав учредителей и членов Приходского собрания.

3. Иванов и Муханов потребовали переизбрать Председателя Приходского совета, нарушив требование Устава Прихода ст.28 «состав Приходского Совета избирается из числа членов Приходского Собрания». Две трети лиц, присутствовавших на заседании, не являлись членами Приходского Собрания.

4. Требование Иванова и Муханова о переизбрании Председателя Приходского Совета нарушает Устав РПЦ*: «Члены Приходского совета могут быть выведены из состава Приходского совета решением Приходского собрания или распоряжением епархиального архиерея при наличии должных оснований» (Устав РПЦ, гл.11, ст. 47). Основание, приведенное Ивановым: «Яковлев мне не помогает» является субъективным и не основанным на законе.

5. Хотелось бы обратить внимание контролирующих органов, что Приходское собрание определяет содержание членам причта (Устав Прихода, ст.26, абзац 12). Настоятель Иванов определил содержание членам причта самовольно, без согласования с Приходским Собранием.

6. «Приходской совет распоряжается денежными средствами Прихода с ведома и под контролем настоятеля и ведёт их учёт» (Устав Прихода ст. 29, абзац 5). Нарушая это требование Устава, настоятель Иванов изымает деньги из церковной кассы без ведома Приходского Совета и распоряжается денежными средствами, отстранив Приходской совет от их учёта.

7. «Банковские и другие финансовые документы подписывают Председатель Приходского совета и казначей. Казначей осуществляет учёт и хранение денежных средств, пожертвований и других поступлений, составляет годовой финансовый отчёт» (Устав Прихода, ст.33).

В нарушение требований Устава Председатель Приходского совета и казначей не допущены к финансовым документам, не подписывают их. Казначей не осуществляет учёт и хранение денежных средств, пожертвований и других поступлений.

Церковной кассой бесконтрольно распоряжается настоятель. Он единолично подписывает банковские и другие финансовые документы.

Примечание:

*В качестве подтверждения всего сказанного может быть представлена на диске CD-R магнитофонная запись собрания от начала и до конца.

**Устав РПЦ, принятый Архиерейским собором в 2000 г. с изменениями и дополнениями.

Просим прокуратуру и регистрирующие органы юстиции:

1. Рассмотреть незаконные действия настоятеля Иванова и благочинного Муханова, дать им правовую оценку.

2. Воспрепятствовать незаконным попыткам Иванова и Муханова изменить состав Приходского Собрания и Приходского Совета. Легитимная власть не должна осуществляться преступными методами.

3. Организовать контроль за соблюдением Устава Прихода относительно целей и порядка их деятельности, согласно установленной законом компетенции и в порядке ст.25, п.2 ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях».

18 сентября 2008 года

Председатель Приходского совета Яковлев В.Н.
Помощник Председателя Приходского совета Адельгейм И.П.

Председатель ревизионной комиссии Гусев П.Я.
Члены ревизионной комиссии Гуков А.Ю., Пашенко В. А.

Члены Приходского Собрания: Обозный К. П., Дубровская Т.В., Семёнов В., Лебедева О., Закревский А.В.
Священник П. Адельгейм

Вряд ли кто-нибудь сегодня будет спорить, что для церкви очень важно обращение к памяти новомучеников и исповедников XX века. Однако слишком часто это обращение ограничивается лишь собиранием документов и составлением житийных сборников. Сам же опыт жизни в верности Богу и противостоянии давлению безбожной власти, опыт, с живыми носителями которого кто-то еще успел встретиться в конце прошлого века, оказывается нередко непривычным, «неудобным» — как «неудобными» оказывались при жизни и сами исповедники, такие, например, как архим. Таврион (Батозский) или мать Мария (Скобцова). Может быть, поэтому нам бывает так трудно жить в том постоянном общем усилии воспоминания, без которого мы можем потерять самый близкий к нам по времени опыт святости. И все-таки это усилие нельзя не делать, иначе мы не сможем ни войти в этот опыт, ни стать его живыми продолжателями.

НАМ НЕ ХВАТИЛО 5-10 ЛЕТ ИСТОРИИ...

Интервью с духовным попечителем Преображенского братства свящ. Георгием Кочетковым

Николай Евграфович Пестов (1892-1982 гг.)

Светлана Чукавина, председатель братства во имя новомучеников и исповедников российских: О. Георгий, мы сегодня хотели бы поговорить с Вами о тех людях, которых Вы знали. Прежде всего — не могли бы Вы рассказать немного о мечёвском круге, каким он был в 70-е годы?

Свящ. Георгий Кочетков: Собственно мечёвский круг в чистом виде я не знал. В 70-е годы его уже не было. Были отдельные мечёвцы, которые поддерживали друг с другом связи. Это были уже очень пожилые люди — под восемьдесят, за восемьдесят. И понятно, что, наученные богатым опытом XX века, они сохраняли опре-

делённую сдержанность, потому что многим приходилось страдать, сидеть и т.д. Познакомился я с этим опытом через Николая Евграфовича и Зою Вениаминовну Пестовых. Их духовная генеалогия известна, и она замечательна. Зоя Вениаминовна Пестова вместе с бароном Николаем до революции участвовала в работе студенческих кружков. Николай Евграфович присоединился к этому значительно позже. Он прошёл непростой путь, воевал в гражданскую войну отнюдь не на лучшей стороне, но быстро вошёл в область как бы притяжения веры и жил этим так же, как Зоя Вениаминовна. Меня всегда поражало, насколько эти люди были целостны — они этим жили, они не могли жить по-другому. И они были очень близки между собой, как семья это было замечательное явление. Они сами имели прямое отношение к отцу Алексию и ещё больше к отцу Сергию Мечёву. Они получали письма отца Сергия из заключения, они сохраняли все предания, рассказы о его смерти, о его жизни, они хранили и давали мне, например, читать рукописи, письма о. Сергия, понимая, насколько это было в то время опасно. Он же был репрессированный человек, который был расстрелян при наступлении немецких войск. Тогда расстреливали всех заключённых, просто не хотели их вывозить. Только у нас такое варварство было возможно, хотя в истории, может быть, очень давно и бывало что-то подобное...

Поэтому я был знаком с этим опытом давно. Конечно, там был и профессор Мелехов, там были Оболенские, там была Софья Голицына, там были и другие Голицыны. Но это, правда, больше, может быть, из тех, кто окружал эту семью, именно Пестовскую. В общем-то, о мечёвских общинах, их внутренних порядках — например, агапах, ничего не рассказывалось, ничего никогда не говорилось. Лишнего вообще не говорилось. Но всё-таки по мере сближения с Николаем Евграфовичем, с Зоей Вениаминовной, потом с их дочерью Натальей Николаевной, с их внуками я всё время узнавал какие-то детали. В частности, это позволило мне добавить к этому опыту опыт Сергея Иосифовича Фуделя, собрать его произведения, найти его самого и познакомиться с ним своих друзей.

Мечёвский круг был хорош тем, что, во-первых, они были целостны, во-вторых, они были верными, очень преданными своей жизни, своим внутренним принципам, несмотря на то, что могли занимать довольно высокие посты в советские времена. Известно, что тот же Мелехов был одним из руководителей Института судебной психиатрии имени Сербского.

С. Чукавина: Батюшка, а Вы помните, кто Вас привёл к Пестовым?

О. Георгий: В этот дом меня привёл в конце 69-го года архимандрит Анатолий (Кузнецов), к которому я часто ездил в Лавру. С конца 68 года, когда мы с ним познакомились, у нас были хорошие, тёплые, близкие личные отношения, а потом он, видимо, решил, что надо познакомить меня с этим кругом. Он очень ценил этот круг, очень его уважал. И он меня туда просто привёл, на улицу Басманную. Был дом — сейчас его, к сожалению, нет — где жил Николай Евграфович, напротив дома Муравьёва-Апостола, где Институт МИХМ.

С. Чукавина: Вы сразу узнали, что это опыт общинный, по каким-то деталям, ведь Вы же не встречались с этим прежде?

О. Георгий: Как-то я это уже знал. Я не встречался с этим прежде, я действительно не знаю, откуда в меня

это вошло, почему уже к середине 70-х годов у меня был совершенно чёткий ориентир на общинный опыт. Скорее всего, это было связано с тем словом, которое звучало в доме Николая Евграфовича Пестова. А если не со словом, потому что я не помню этих слов, то с духом. Ну, и соответствующие акценты, конечно, висели в воздухе. И лучшие люди того времени вокруг этого как бы постоянно ходили, потому что они искали альтернативу имеющемуся порядку. Они понимали, насколько этот порядок несовершенен — этот формальный, официальный, казённый, компромиссный, а иногда даже предательский порядок. Если церковь не может реагировать на это, то значит, это порядок некачественный, значит, его нельзя поддерживать, его нельзя ренимировать, значит, нужно искать альтернативу. Понимали под этим разное, но думали так все.

С. Чукавина: В этом кругу говорили о существующих церковных порядках или вообще ничего не говорили?

О. Георгий: Люди были очень сдержаны — и Сергей Иосифович Фудель, и о. Всеволод Шпиллер, и о. Виталий Боровой — все, абсолютно все. Все они об этом что-то думали, сейчас я уже знаю, что они думали, но разговор... Люди ценили свои слова, они понимали их значение, они понимали, что за слово можно было сесть, а можно было вообще лишиться всего и всех, а немного раньше и своей жизни. Все они были люди разумные, культурные и ответственные — и друг за друга, и за то дело, которое они делали. Если они и рисковали, то они всё-таки старались рисковать собою, а не вообще всеми и всем. Меня это многому научило. Поэтому я так не люблю то, что я называю, может быть, несколько грубовато, болтовней — когда начинаются какие-то безответственные слова, которые произносятся несколько высокопарно, превыспренне. Если за этим нет ответственности, понимания того, что же это в жизни может значить для тебя и для других, то это болтовня, и нужно, конечно, это всячески в себе преодолевать.

С. Чукавина: Каким образом опыт Пестовых повлиял на Ваши размышления и поиски, связанные с возрождением общинно-братской жизни?

О. Георгий: Я думаю, что главным здесь был дух необходимости строить свою церковную жизнь ответственно, целостно и верно — верно Богу, верно традициям и верно друг другу. Вот эта верность, она была как бы тоже константой — или она есть, или её нет.

С. Чукавина: Сейчас всё другое — ведь тогда были советские времена, все скрывались и т.д. Остается ли для нас что-то в этом опыте актуальным?

О. Георгий: Актуально то, о чем я уже сказал — верность, целостность, желание преодолеть давление внешних обстоятельств, найти своё место в жизни, своё дело, если уж не служение. О служении много не говорили, а вот о делах ради Господа говорили. И люди в общем-то стремились к этому. Не случайно из семьи Соколовых практически все, так же как и в семье Глеба Александровича Каледы, а потом о. Глеба, стали или священниками, или матушками — если угодно, институционально и профессионально церковными людьми.

С. Чукавина: А в какой храм они ходили?

О. Георгий: На Ордынку, во «Всех скорбящих радости». Все ходили туда, там были ещё старые священники, и, собственно, круг Соколовых сюда же примыкал, и Каледы, и Софья Голицына... Это был один из интеллигентских приходов, так же, как и храм Воскресения Словущего на улице Неждановой. После войны там ситуация изменилась, но вот Ордынка очень долго держалась. И я помню многих интересных священников, ещё дореволюционной закладки.

Это был приход с очень определёнными традициями. И, конечно, мечёвцы в основном были там. Они побаивались ходить к о. Всеволоду Шпиллеру. Мне прямо говорили: там всё под колпаком. Поэтому я долгое время не ходил к о. Всеволоду, до конца института, до 72-го года. Я уже много чего знал, туда мог заходить, тем более что это было рядом с моим институтом, на Новокузнецкой улице. Но они туда не ходили совсем — было просто опасно. И уж тем более они не ходили к о. Александру Менью. Но они, правда, и несколько негативно относились ко всему тому, что там делалось, хотя к самому о. Александру относились хорошо, тем более что мечёвские круги всегда были очень екуменически настроены. И это как раз очень важно помнить, очень важно знать, что лучшие наследники новомучеников и исповедников в этом отношении были без предрассудков, и более того, они были значительно более открыты, чем это было общепринято в простом церковном народе. Хотя, надо сказать, что и в простом народе екуменическая открытость была значительно больше, чем

Семья Пестовых. 1930 г.

сейчас. Вспомним наследие о. Иоанна Кронштадтского и т.д. Это уж далеко не самые, скажем так, либеральные члены церкви. И у Николая Евграфовича это было всегда, он всегда давал католическую, протестантскую литературу без всяких проблем, без всяких оговорок.

С. Чукавина: Вот это удивительно, потому что ни по каким книжкам это не прослеживается.

О. Георгий: Да, это сейчас всё вымарывается, потому что всё это монополизировали нынешние руководители Свято-Тихоновского института и, естественно, им этого вспоминать не хочется. Вообще очень много из подлинной жизни ими, к сожалению, искажено.

С. Чукавина: Сознательно?

О. Георгий: Абсолютно сознательно. Совершенно сознательно искажалась историческая правда, что меня, конечно, очень огорчает. Хотя они ведь помогали старым мечёвцам, они же всё-таки и делали что-то для них доброе. Но, тем не менее, их принципы позволяли вот так всё подчищать и выстраивать под себя.

Мне Николай Евграфович много раз говорил, что он был первым, кому принёс книжку «Сын человеческий» на рецензию молодой Саша Мень. И это, конечно, был один круг. Но им не нравилась некоторая излишняя, на их взгляд, культуртрегерская позиция мевского прихода и круга. Поэтому они с этим кругом не общались, так же как о. Всеволод Шпиллер. Все были знакомы, но общения между ними не было, они все друг к другу имеют достаточно серьёзные претензии.

С. Чукавина: Удивительно, все-то было три круга и нельзя было общаться. Это просто страшный опыт так повлиял на людей?

О. Георгий: Я думаю, и это, и не только это. Всё-таки эта внутренняя раздробленность была наследием старой жизни — люди не очень доверяли друг другу. И этот элемент был у всех, даже у самых лучших — и у о. Всеволода, и у о. Александра и др. Я думаю, что это было и в мечёвском круге тоже. Это была именно старая и в то же время благоприобретённая традиция. Всё это ещё на порядок усилилось под влиянием событий XX века.

К тому времени героический период, когда люди готовы были страдать, сидеть, уже прошёл. Более того, их сильно напугали, и они уже чётко осознавали, что второй раз в жизни сил на это не хватит, поэтому они этого всячески избегали. Это была психология многих из тех, кто сидел: второй раз я этого не выдержу. Потом было сложнее, чем в то время, когда они страдали при отсидках, допросах и т.д.

С. Чукавина: Вы говорили об о. Таврионе, что он как раз не боялся этого.

О. Георгий: Да, но таких людей было очень мало. Вообще страхи были ужасные.

С. Чукавина: Как Вы думаете, мог ли быть какой-нибудь другой итог этого движения в 70-е годы или всё это так было предопределено?

О. Георгий: Было предопределено.

С. Чукавина: Почему? Давление времени?

О. Георгий: Да, с одной стороны, это давление, опасности времени, а с другой стороны, все эти движения имели какие-то свои пиковые моменты развития, ну, а это был уже период угасания.

Они нащупали какие-то моменты благодаря выдающимся людям, какими были о. Алексей и о. Сергий Мечёвы. Но этих выдающихся людей у нас было очень немного, и это надо всегда помнить. Да, были просто гениальные, удивительные прорывы, и сейчас мы узнаём о них всё больше и больше. Многие «висело в воздухе», и если бы не катастрофа, не наш русский холокост, то, конечно, это прорвалось бы для всех. Но на это нужно было ещё минимум пять-десять лет истории. А их не было.

«ЕВАНГЕЛИЕ НЕ МЕНЯЕТСЯ, ЭТО МЫ НАЧИНАЕМ ЛУЧШЕ ПОНИМАТЬ ЕГО»

В 20-х числах сентября 2008 г. небольшая группа братьев и сестёр Преображенского содружества малых православных братств во главе с духовным попечителем свящ. Георгием Кочетковым посетила столицу Италии Рим. Эта поездка была совершена по приглашению католической общины св. Эгидия (comunità di San Egidio), известной во всём христианском мире благодаря своему обширному и разнообразному социальному служению. Особое значение поездке придавало то обстоятельство, что нынешний год для общины юбилейный, в феврале ей исполнилось 40 лет.

Общину св. Эгидия и Преображенское братство связывают давние отношения. Ещё в начале 90-х гг. прошлого века Адриано Рокуччи, руководитель российского направления деятельности общины и её нынешний генеральный секретарь, прочитал интервью с о. Георгием Кочетковым, духовным попечителем братства, в одном из толстых литературных журналов. Интервью его заинтересовало, и он решил лично познакомиться с этим священником и пришёл в храм Сретения Владимирской иконы Божьей Матери тогда ещё бывшего Сретенского монастыря на Большой Лубянке, где в то время служил о. Георгий. Завязалось знакомство, которое привело в дальнейшем к плодотворному сотрудничеству, в частности, в области христианской культуры.

Поездка, состоявшаяся в этом году, имела конкретную практическую цель: познакомиться с опытом общины в сфере социального служения — но не столько с опытом внешней организации дела, сколько с внутренним опытом послушания Богу, которое члены общины несомненно проявляют в своём деятельном милосердии. Ведь такое милосердие требует от них значительных и постоянных затрат личного времени, сил и средств. А, как известно, современные люди, — что в Европе, что в России, — с большой неохотой идут на подобные траты, касающиеся их личного удобства, спокойствия и комфорта. При этом надо учесть, что почти все члены общины — миряне, работающие люди, имеющие свои семьи и соответствующие домашние обязанности. Вся грандиозная деятельность общины совершается, как говорится, в «свободное от работы время». Из десятков тысяч человек, входящих в общину, лишь несколько десятков постоянно трудятся в общине на необходимой в таких случаях административной работе. Все остальные — обычные волонтеры.

В ЧЁМ ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ В СЛУЖЕНИИ БЕДНЫМ?

Что же сообщает этим многим людям такое необычное в наше время вдохновение — приди с работы, оставить домашний уют, семью, вечерний покой — и отправиться, например, на городские вокзалы раздавать заранее приготовленные другими членами общины бутерброды и другую еду римским бездомным (по-нашему — бомжам)? Или провести вечер и ночь, ухаживая за стариками в собственном семейном доме для стариков?

Это не какая-то причуда изнемогших от однообразной, спокойной и благополучной жизни европейцев. Тем более что Италия — одна из самых неблагополучных в Евросоюзе стран с точки зрения социальных проблем. Итальянцы при высокой общеевропейской стоимости жизни имеют в среднем очень скромный доход. Так что это стремление к личной практической благотворительности не может быть объяснено исходя из социально-экономических и иных «слишком человеческих» факторов.

Центральным здесь, наверное, является то, что сами эджидийцы называют — «пережить Евангелие». Евангелие относится ко всем, и, следовательно, оно может и должно быть «сообщено» всякому. В этом его уникальный императив и всеобщность, сообщающие целостность всем сторонам христианской жизни, личной и общей, общественной. Если Евангелие может быть обращено к благополучно живущим людям, составляющим как бы основное ядро современного общества — то точно так же оно обращено к его (общества) маргиналам: нищим, бездомным, эмигрантам, национальным меньшинствам, инвалидам, старикам. Им всем, всем этим «неудобным» для общества категориям людей так же должно быть сообщено Евангелие.

«БЕДНЫЕ, СТАРИКИ, ИНВАЛИДЫ — ЭТО НАШИ ДРУЗЬЯ»

Но прежде чем делиться с таким человеком благой вестью, надо установить с ним человеческие отношения, отношения дружбы, помогающие ему вернуть часто утраченное в неблагополучных обстоятельствах жизни человеческое достоинство. Поэтому, например, столовые с бесплатными обедами, устраиваемыми общиной несколько раз в неделю, выглядят опрятно и чисто. В них спокойно могут прийти (и реально приходят) также те, кто в настоящий момент испытывают финансовые трудности и хотели бы немного сэкономить на бесплатном хорошем и сытном обеде. Все такие посетители могут быть спокойны: им окажут достойный приём, никто не будет явно или косвенно указывать на их социальный статус. В общине подчёркивается, что оказание помощи должно сопровождаться установлением открытых человеческих отношений, на что так трудно подчас пойти людям, выпавшим из спокойного социального пространства. Официанты (которыми являются члены общины и многочисленные добровольные помощники, среди которых на тот момент были и мы) общаются со всеми посетителя-

Столовая для бедных

ми приветливо, стараются обращаться к ним по имени. Это благотворно сказывается на посетителях, в обычном случае никогда не ожидающих от благополучных людей (или государственных и социальных структур, занимающихся их проблемами) уважительного, просто человеческого отношения к себе. Мы, хорошо представляющие российские реалии, неоднократно спрашивали у членов общины: неужели такая доступность и реальная ценность их помощи бедным не рождает тёмных исключений, не приводит к нахлебничеству со стороны бесчисленных любителей «халявы»? Эти случаи бывают, отвечали нам, но именно как исключение. Считается, что если человек обратился за помощью, то значит, он действительно всерьёз нуждается. В европейском контексте всё ещё сильно сознание важности сохранения своего достоинства; человек старается не опускаться, пока это позволяют обстоятельства. Редки примеры атрофии воли, когда, оступившись, человек начинает безвольно катиться под откос, не пытаясь хоть как-то вернуться к достойному существованию, и поэтому лишь лукаво ища лёгкой помощи или наживы от других.

Вот как раз на это — на возвращение человеческого достоинства вольно или невольно лишившегося (или лишённого) его человеку — и обращена в первую очередь каритативная деятельность общины св. Эгидия. Целью не является даже христианское миссионерство в узком смысле слова: эджидийцы не скрывают и не замалчивают, что они христиане и что оказывают помощь другим по велению христианской совести, — но и не занимаются прозелитизмом, не «покупают» веру и свободу других людей за бесплатный бутерброд.

Социальное (каритативное) служение является в общине самым, может быть, широко известным и в обществе, и в церкви делом общины, её визитной карточкой. Однако внутренняя жизнь общины богаче только своей внешней социальной активности. Об этом важно сказать несколько слов.

ЕВАНГЕЛИЕ — «ДЛЯ ВСЕХ»

Важнейшей духовной интуицией, пережитой в начале основателями общины, тогда ещё совсем молодыми людьми, было горячее желание жить вместе по Евангелию. Другим важнейшим мотивом было понимание того, что Евангелие — для всех, оно универсально, оно может быть распространено на все стороны жизни. Именно эти интуиции, в другое время и в другом историческом контексте получившие название «оцерковленные жизни», и явились важнейшим источником энергии, которая превратила группку никому не известных молодых людей в одно из самых активных христианских движений современности. Стремление к единству жизни вызвало желание к общей молитве — и до сих пор единая молитва является, по слову Алессандро Зуккари, одного из руководителей общины, «сердцем» её жизни. Всё вырастает из общей молитвы.

Другим мотивом, как было уже указано, явилось осознание того, что «Евангелие — для всех». Для всех — это по-настоящему для всех, т.е. даже для тех, с кем нам по-человечески не очень приятно или удобно разделять общность Евангелию, общую жизнь. «Для всех» — это также и для всех сторон жизни каждого, и личной, и общественной. Община распространяет свой интерес на самые разнообразные сферы церковной и общественной, в том числе и политической, жизни. Например, на уровне первых лиц мировой политики известна и признана миротворческая деятельность общины. Ей удалось непосредственно участвовать в урегулировании нескольких серьёзных локальных конфликтов в мире.

ОБЩИНА ПРИЗНАНА, НО ЖИЗНЬ ЕЁ ПО-ПРЕЖНЕМУ ПОЛНА ТРУДНОСТЕЙ

Неудивительно, что подобная широта интересов вызывает недовольство у многих, в том числе в католической церкви (напомним: община св. Эгидия — движение, официально признанное и поддерживаемое самим папой Римским). Очень многим хочется ограничить «полезную деятельность» общины каким-нибудь одним узким направлением. Скажем, община прекрасно справляется с помощью эмигрантам, или старикам, или инвалидам — итальянское правительство так и хотело бы оставить за ней эти функции (тем более что правительство само не очень справляется с этой социальной задачей — что, собственно, положено ему «по должнос-

ти»). Но инициативы в других областях, например, открытое обличение социальных проблем в стране, уже могут вызывать глухое раздражение. То же самое происходит и в самой католической церкви. Если при каком-либо приходе образуется отделение общины, то иерархия начинает смотреть косо на общину, подозревая её в том, что она уводит от них людей или создаёт «параллельные структуры».

ПОЧИТАНИЕ НОВОМУЧЕНИКОВ

Одним из важнейших направлений деятельности общины является сохранение памяти о христианских мучениках XX века. В этой заботе ярко проявляется ключевой принцип жизни общины: их интересует всё, что так или иначе актуализирует глобальное, вселенское измерение христианства в современном мире. Действительно, гонения на христианство и христиан в XX веке по своему размаху и жестокости явились беспрецедентными в истории. Конечно, трагическое первенство по числу мучеников и исповедников здесь принадлежит Русской церкви. Это, безусловно, признано всеми на Западе. Недаром на известной иконе собора христианских мучеников XX века, написанной членом общины Ренатой Шаки, в центре изображён св. патриарх Тихон (Беллавин). Такой масштаб мученичества не может оставить в покое христианскую совесть. Что-то чрезвычайно важное было открыто в наше время о мире и о человеке, если после полуротации счастливой истории христианской эйкумены стала возможной такая её внезапная и полная апостасия. И мимо этого события пройти никак нельзя, нельзя его считать просто «яко не бывшим». Другой важнейшей стороной тех же самых трагических событий является значение, которое всегда придавалось мученическому свидетельству во все времена христианства. Ведь по слову Тертуллиана, кровь мучеников — это семя Церкви. Новомученики и исповедники открыли какую-то совершенно новую страницу христианского опыта, чрезвычайно актуальную именно сейчас, в эпоху, начавшуюся по завершении долгого «константиновского» периода истории. И перенять этот опыт — первейшая задача и обязанность христиан.

Забота о памяти новомучеников в общине св. Эгидия многогранна. Издаются исторические исследования, посвящённые этому вопросу, собираются и публикуются свидетельства и документы той эпохи. Члены общины стараются сделать так, чтобы даже материальные предметы способствовали пробуждению памяти. Например, в древнейшем храме Сан-Бартоломео в Риме (одном из центральных храмов общины) в каждой капелле (т.е. часовне, приделе) на престоле находятся личные вещи, принадлежавшие конкретным людям, пострадавшим за свою веру. Капеллы и называются по эпохам или регионам гонений: «капелла мучеников от коммунизма», «капелла мучеников от нацизма», «капелла мучеников Африки», «капелла мучеников Латинской Америки». В капелле мучеников от коммунизма находятся дискос и чётки о. Александра Менья; в капелле мучеников от нацизма — письма лютеран, замученных в нацистских концлагерях; в капелле мучеников Африки — личная библия одного из братьев общины, убитого в одной из африканских стран за отказ пропустить через таможенную некачественные лекарства...

Именно в богослужебном пространстве эти «музейные» вещи обретают какое-то новое значение, становятся как бы частицами мощей — зримо свидетельствующими о силе веры «даже до смерти».

Усвоение опыта новомучеников и исповедников важно ещё и тем, что именно на этом основании возможно действительное обновление путей по восстановлению христианского единства. Глубоко символично, что забота членов общины распространяется на почитание мучеников всех христианских конфессий.

ИТОГИ

Важнейшим итогом этой поездки явилось то, что члены Преображенского содружества по-новому взглянули на своё собственное призвание, на ту скромную деятельность по церковному и общественному возрождению, которая ведётся их небольшими силами. Эта деятельность питается из того же источника веры, стоит на основании, которое они встретили в общине Сант-Эджидио: веры в Евангелие «для всех»; веры в общую жизнь во Христе; отказ от всякого насилия, интеллектуального или физического, но при бескомпромиссном противостоянии любому злу (и в обществе, и в церкви). Также в основании соборания во Христе лежит общая молитва, она также находится в самом центре общинно-братской жизни. Вот только принцип служения бедным получает в наших постсоветских условиях несколько иное, отличное от общеевропейского, звучание. За время советского режима в России людьми тотально овладела — не материальная, а духовная — нищета, которая гораздо страшнее просто внешней нищеты. Вот на преодоление этой — духовной — нищеты в первую очередь направлена деятельность Содружества: деятельность по христианской миссии и катехизации, по духовному и культурному просвещению. Ибо без приложения общих усилий в этом направлении трудно рассчитывать, что к нашему народу сможет вернуться его человеческое достоинство, которое поможет ему снова стать по-настоящему великим народом, хвалящимся не только «конами и колесницами», природными ресурсами, военной мощью и отзвуками былой человеческой славы.

Максим ДЕМЕНТЬЕВ

(Фото Павла Бибина)

ПРОСТРАНСТВА, КОТОРЫЕ МЫ РАЗДЕЛЯЕМ

Интервью с социологом Б.В. Дубиным («Левада-центр»)

Продолжение. Начало на с. 1

тревожит, о том, что его радует, не казенными, придуманными для него спичрайтером, словами — чрезвычайная редкость. Мы помним, что такие вещи бывали. Какой-нибудь там 87-й, 88-й, 89-й год — казалось, что вдруг страна стала другой, откуда-то появились люди, говорящие по-человечески, выглядящие по-человечески, действительно вроде бы тревожащиеся о том, что тревожит и их самих, и не только их. Какие-то слова человеческие появились. Какие-то признаки желания совместной жизни, единения все-таки не вокруг дуракаваляния. Но оказалось, что это, как тонкий запах духов, долго не держится. Оказалось, что это все довольно быстро можно позабыть, уничтожить, заставить презирать, в общем, как-то вытеснить из своей жизни. И оказалось что то, что два-три, максимум четыре года как будто бы владело многими людьми в стране — это чувство освобождения, это чувство новизны, чувство свободы и вместе с тем чувство ответственности за то, что с ними происходит, что они сами делают, что они могут натворить, что до них натворили, — оно ушло. Оно фактически ушло, для него как будто бы нет никаких форм выражения... А что такое эти формы выражения? Это же какие-то типы связей между людьми, которые поддерживаются за пределами непосредственного повода. Это формы, которые переживают свой непосредственный повод, а потом бывает, что даже переживают и самих людей. Так существуют великие институты: семья, церковь, школа (в широком смысле, это может быть и университет). Они как бы возникают во вполне исторически конкретных и ясных условиях как ответ на какой-то очень прямой вызов обстоятельств, времени, ситуации, а потом, оказывается, переживают и ситуацию, и непосредственный повод, и даже тех людей, которые вложили жизнь в то, чтобы эти формы создать и поддерживать. Я бы сказал, что не пустые вещи — это как раз вещи, которые образуют формы, переживающие свой непосредственный повод и даже тех, кто инициировал сами эти вещи. Все остальные вещи более или менее пусты. Они могут быть при этом очень острыми, они могут задевать человека очень сильно. Ощущение болезни или равнодушия и многого другого способно, как выражаются сейчас, «достать» человека, способно его как-то крепко задеть. Но если это не порождает чего-то более общего, чем сам человек и непосредственный повод его эмоций, чем та узкая ситуация, в которой он чувствует себя безнадежно, мучительно запертым, то, увы, наши переживания недолго стоят. Всем бывает то радостно, то больно, но жизнь продолжает то, что способно передать форму. Вот этого (я тут вряд ли оригинален, такое, в общем, любой нормальный человек скажет) сейчас в жизни чрезвычайно мало в сравнении с временами не такими далекими, когда казалось, что это вполне возможная и более того, реально осуществляемая каждый день вещь.

Наряду с этим не могу сказать, что никакой жизни совсем нет. Она есть, но она становится все более частным делом, которое делаешь ты, он, она на свой страх и риск, рискуя тем, что оно, вообще говоря, может не продлиться, сознавая, что твои усилия могут оказаться без последствий, не будут подхвачены. Мне всегда казалось, что любой художник или мыслитель на это почти что обречен. Кто ему подскажет, что в том, что он делает, действительно что-то есть? Никто же не скажет. Поэтому он живет такой обреченной жизнью, может сорваться, с собой что-нибудь сделать или со своим искусством или наукой. Но мне всегда казалось, что судьба других людей, не художников и не ученых, все-таки другим образом устроена, и они исходят из того, что есть какие-то формы, на которые можно опереться, есть какие-то люди, на которых можно положиться. А когда я как социолог получаю данные, что три четверти, восемьдесят процентов нашего населения считают, будто никаким другим людям доверять нельзя, что с ними надо быть осторожными... Понятно, что не доверяют большинству инсти-

туций, которые есть, — ни парламенту, ни суду, ни милиции, ни партиям, ни профсоюзам, это все, по мнению людей, совершенно не позитивные силы. В наших условиях если доверяют, то так, за глаза: президенту, РПЦ и армии. Конечно, больше всего президенту. Причем даже не так важно, какой он фамилии.

Фото Анатолия Морковкина (www.newizg.ru)

Сегодня одной, завтра другой. Тут верят, конечно, в само место, не в человека. И меньше всего в то, что он делает. Верят в некоторый признак того, что есть такой замковый камень, который все целое держит, и он может навести порядок, если что. Вера, очень, по-моему, архаическая. И — опять-таки не мне бы это говорить, — языческое что-то в ней есть, в этой вере в некоего сверхчеловека, который сможет навести порядок. Вот такая, по-моему, ситуация.

Основная-то пустота, мне кажется, все-таки связана с тем, что относится к области, как скажет социолог или философ, ценности, а раньше бы сказали: к области морали, к области идеалов. Вот это как-то все больше и больше вакантно или дефицитно. Политика может наполнять жизнь людей, но все-таки это обычно бывает во времена общественного подъема или, избави Бог, какой-то крупной катастрофы, когда людям действительно надо сплотиться, объединиться, чтобы превозмогать это. Но все-таки наполняют эту жизнь другие вещи. А вот их оказывается или очень мало, или действительно на их месте зияют пустоты. Потому что, мне кажется, очень сузились и продолжают сужаться смысловые горизонты людей, утрачивается то, что стоит за ближайшими вещами — такими, как дожить до полочки или чтобы родные были здоровы. Это очень важные вещи, но они скорее сигнализируют о том, что жизнь идет нормально и правильно, ежели ее наполняют. А вот наполняет все-таки то, что удалено во времени, в пространстве и, может быть, даже вообще в принципе невидимо. Кто знает, что такое счастье, что такое любовь, что такое добро? Его же руками не пощупаешь. Но если нет этих дальних ориентиров, то жизнь меняется, очень серьезно меняется. Сама ее материя меняется. Мы как будто шьем из другого материала. Что удивляться, что получаются телогрейки, а не бальные платья? А что из этого материала другое можно пошить? Сапоги, телогрейки, шапки-ушанки, что-нибудь в этом роде. И вроде начинают шить бальные платья, а получается опять телогрейка. Такие дела.

А. Алиева: Скажите, а как Вы как социолог и как просто человек, за этими процессами наблюдающий, оцениваете истоки, причины такой ситуации в современном российском обществе?

Б. Дубин: Мне кажется, что есть глубокие дефициты, или дефекты, или лакуны в том образе человека, который у нас в стране сложился. Они во многом, конечно, возникли под влиянием тоталитарно-казарменного режима, многих десятилетий бедной жизни. Бедной во всех смыслах: от денег до отношений, ценностей, пространства мечты, вечного страха, несвободы, заложничества, через которое все-таки прошли несколько поколений, отказа от самостоятельности, от инициативы, на который, конечно, люди соглашались, но им помогли на это согласиться, потому что силы противоположной стороны были немеренные. В конечном счете, мне кажется, я вижу, просто двигаюсь по пространству города (и не только в Москве, где это концентрированней и виднее), что мы ведь никак

не относимся друг к другу. Как бы не показываем друг другу, что мы находимся в некотором общем для нас, разделяемом мире. Мы движемся так, как будто мы идем одни. Вот человек проходит мимо Вас: он не поворачивает голову в Вашу сторону, не показывает Вам, что он понимает, что сейчас на секунду нарушает Ваше пространство, что он делает неправильно, но спешит или еще что-то, и как бы улыбкой извиняется за это; он понимает, как надо, и понимает, что мы понимаем, как надо. Вот этого ничего нет. И мне кажется, что эти общие пространства, по отношению к которым у людей есть какие-то совместные обязательства, оказались стерты, уничтожены, девальвированы, что ли. И вот чувства, когда мы испытываем принадлежность к этому общему пространству, заменились теми чувствами, которые мы испытываем, когда нас мобилизуют на то, что мы все как один. А это совсем другая вещь: мы как один, или все за одного, один за всех — это совсем другая вещь. Это вещь, которой обучают через мобилизацию, через казарму, через жестокость, через принуждение. А пространство, ко-

hegtor.livejournal.com

торое мы разделяем, — это то, о чем мы условились. Мы понимаем условность этого, но мы условились, мы в этом смысле как бы дали клятву, условились о союзе, со-узничестве. Мне кажется, что нынешнее российское общество меньше всего соединено с вот такого рода добровольными отношениями участия в каком-то общем деле, с разделением пространства и времени общим, совместным делом, совместными мечтаниями о чем-то, кроме совсем уж маниловских — как бы хорошо было б, если б было хорошо жить. Конечно, кто ж говорит, всем хочется хорошо жить. Но что делать-то для этого и как делать вместе, если ты не доверяешь никому? Одному ведь это не под силу. Одному можно только выживать. Российская «мудрость» предполагает, что если ситуация трудная, то надо не соединяться, чтобы делать что-то вместе, а надо разбиться, рассредоточиться, скрыться, стать незаметным. Тогда каждый по отдельности, может быть, сумеет спастись, выжить. Этому, без сомнения, человека научили. Надо было очень сильно разрезать все связи, которые его соединяют с кем бы то ни было, даже со своими родными. Когда на родных надо доносить, когда от родных надо отрезать, чего уж тут говорить. Конечно, весь строй советской жизни был совершенно не ориентирован на то, чтобы укреплять доверие к людям, напротив — надо до положения сухого песка разбить общество, тогда можно его пересыпать свободно туда-сюда, тысячи, миллионы людей перебрасывать в другие пространства, перевозить их, чтобы они трудились в условиях Колымы или Казахстана или чего-нибудь в этом роде. Я не думаю, что этот результат закладывался специально, но исторически получилось так. И когда это воспроизводится в нескольких поколениях, когда при воспитании ребенка — да его даже никто специально не воспитывает, но если он вдруг высовывается, ему говорят: «Ты чего? Куда ты лезешь? Живи тише, больше всех надо, что ли? Не лезь, не высовывайся, не по Сеньке шапка»...

А. Алиева: Надо выжить.

Б. Дубин: Да, надо выжить. И куда там еще о чем-то думать (как говорит один герой у Шукшина: «Мы — не мыслители, у нас зарплата не та»). Не до жиру, быть бы живу. Не было б войны, вот главное. Остальное все можно перенести. Вот привычка ко всему этому, в конечном

счете, мне кажется, формирует человека и дальше воспроизводится в этом человеке. И, к сожалению, в следующих поколениях тоже. И ситуация не изменится, если не появится хоть какое-то количество нормальных здоровых людей, которые способны показать, что человек — это совсем другое, он для другого предназначен и другое может, чем то, чем его приучили довольствоваться; что нельзя жить непродуктивно, униженно, жить недоверием, жить только посмеиваясь над окружающими, даже насмеиваясь, а не просто посмеиваясь. Пока этого не возникнет и какая-то критическая масса этих людей в обществе не обнаружится, и не проявится, и не сумеет привлечь к себе внимание, чтобы другие люди следили за ними, с ними связывали свои надежды, до тех пор и не будет устанавливаться какой-то другой строй жизни — не принудительный, не чисто адаптивный, не построенный на всеобщем недоверии, не отказавшийся от дальней перспективы — строй жизни, в которой есть место морали, и участию, и доброте, и жертве, всему, о чем мы говорили, всему, что так или иначе расширяет возможности человека и как-то возвышает его, в том числе и в собственных глазах. Я думаю об обществе людей, которые себя бы уважали и других бы уважали — не боялись, не заискивали бы перед другими, потому что те могут применить к ним силу, либо от них многое зависит и надо как-то подольститься. Я думаю, что если перемен в эту сторону не будет, то нас ждет довольно печальная судьба.

А. Алиева: Ну, т. е. сейчас можно сказать, что ситуация просто непонятная. Она может уйти как в сторону разрушения, так и в другую сторону.

Б. Дубин: Я бы сказал, что да. Только с одним уточнением: очень трудно ставить вопрос и заводить разговор о ситуации в целом. Т. е. как будто все меньше и меньше готовность у людей участвовать в таком разговоре и вообще сознание некоторой общности. Та общность, которая задается телевизором и демонстрируется зрителями ему в ответ, — она, с моей точки зрения, непродуктивная, уродливая и в этом смысле опять напоминающая мобилизацию, казарму, какое-то дикое сплочение против всех на свете — и тех, кто близко, и тех, кто далеко, и опять упирание в некую свою особенность и непостижимость, какой-то «особый путь», который за два последних столетия не то чтобы не сумели пройти, но даже и наметить, что это за путь-то такой. За два столетия не сумели прояснить, и все-таки теперь снова то же упирание в угол и признание того, что это наш особый угол и больше туда никого не пустим, и даже попытка придать этому углу некий, видите ли, провиденциальный смысл, что это миссия, дескать, такая, такая вот особая судьба. В этом смысле очень трудно, просто трудно, в том числе и лингвистически трудно, найти какой-то язык для обсуждения действительно общих вещей. Эти слова оказываются какими-то очень уж захватанными, может быть, даже извращенными за десятилетия уродской жизни. И надо, получается, выражать и сами явления, и слова для разговора о них, потому что одно без другого не бывает. Все-таки в новейшие времена живущие постоянно сопровождают свои действия размышлением, разговором об этом. А такой разговор у нас в стране все меньше и меньше получается, потому что область общих слов настолько испоганена и до такой степени захватана сейчас этим общим употреблением — псевдоупотреблением, телевизионным блефом и шулерством, и очень трудно выделить действительно какие-то области общего и различить над ними какие-то еще более общие источники света, добра, смысла. Это чрезвычайно тяжелая задача. Я таким «пастырским» складом не обладаю, но могу себе представить, до какой степени тяжело тем, кто пытается быть пастырем в этих условиях. Даже не так важно, подвизается ли он при этом на поприще словесного творчества или духовного единения и спасения, важно то, что он видит долг за пределами собственной отдельной жизни.

Окончание на с. 7

ПРЕОДОЛЕТЬ ПОСТМОДЕРН НАДО В СЕБЕ

Фрагмент из доклада Григория Гутнера «Культура: сфера смыслов или система коммуникативных техник?», прочитанного на конференции «Духовное противостояние пустоте в церкви и обществе»

Гуссерль критикует науку за попытку свести истину к неким абстракциям — не жизненным смыслам, которыми питается человек, а уже вторичным конструкциям, идеальным объектам. Эта установка, продолженная, может быть, после Гуссерля некоторыми его учениками, но являющаяся, на мой взгляд, продолжением многовековой европейской культуры, оказывается подвергнутой критике со стороны постмодерна. Вопрос, который адресуют более поздние философы, например, Деррида, комментируя некоторые тексты Гуссерля, сводят дело примерно к следующему: а почему вы предполагаете существование чего-либо за той поверхностью техник, выразительных средств и знаков, с которыми вы обращаетесь? Вы говорите о том, что проникновение за эту поверхность требует некоего усилия. Но почему вы знаете, что совершая это усилие, вы не продолжаете производить всего лишь новые знаки? Деррида, один из комментаторов Гуссерля в позднейшую эпоху и один из представителей описываемого мной направления, обнаруживает, что апелляция к смыслу всегда направлена в дурную бесконечность. Всякий раз, когда мы пытаемся указать на некий смысл, мы не обнаруживаем его, а производим лишь очередной знак. Эта постоянная цепочка откладывания заставляет нас думать, что вообще-то нет ничего, кроме техник, что мы лишь мним присутствие некоего смысла за текстом, за разговором, за какими-то еще нашими коммуникативными действиями, но на самом деле производим лишь очередной знак, очередное выражение языка. В этом скольжении по поверхности мы можем постоянно питать себя неким психологическим переживанием глубины, но это не более чем переживание, ни к чему реальному не относящееся.

В этом рассуждении рождается очень емкое понятие — понятие симулякра. Симулякр — это знак без значения, знак, который ни на что не указывает, манифестация пустоты. Мы производим симулякры, и в этой ситуации может оказаться, что все наши любимые выражения — любовь, вера, личность, свобода — это симулякры, это те знаки, которые требуют в ответ производства других знаков, и мы достаточно техничны, чтобы научиться эти знаки производить. Нам говорят «свобода» — мы говорим «творчество»; нам говорят «любовь» — мы говорим «надежда», в общем, весь этот круг поверхностных обозначений непрерывен, и мы, собственно, в нем и живем. Очень выразительное место я нашел у Мишеля Фуко. Вот что он пишет: «И вот теперь все сказано. Вот о чем стоило думать. Желание, ценность и симулякр — треугольник, подавляющий и определяющий нас на протяжении многих веков истории»*.

Можно посетовать на возникновение таких подходов и пожалеть о том утерянном расе, который создавала на протяжении веков наша культура. В самом деле, это крайне жутко — такое опустошение, которое не создается никем специально. Философы постмодерна не придумывают этого, они лишь пишут о том, что им открыто, и следуют подумав лишь об одном — а все ли, в конечном счете, им удастся охватить. Возможно, нет. Но я сейчас не буду предлагать радужных проектов преодоления постмодерна — его преодолеть трудно, и единственное, что я могу сказать — что преодолеть его, наверное, надо в себе. Многие из этих авторов, несмотря на вычурность и, может быть, ужас-

ную непонятность для многих их языка, говорят часто о простой вещи — о том, что надо быть внимательней к своим иллюзиям, что не надо принимать иллюзии за реальность. Уверю вас, почти все они — и Деррида, и Фуко, и Делез, и Лиотар — все, кто повинен в этой дикой картине, возникающей перед нашими глазами, сожалеют об утерянном не меньше, чем все остальные. Это горькая констатация, а не злонамеренное лишение нас осмысленности нашей жизни.

Завершая это рассуждение, скажу лишь об одном: О.А. Седакова говорила в первый день нашей конференции о завершении некоего замечательного проекта, который она связала с эпохой просвещения, или, как по-другому ее называют, эпохой модерна. Сказав так, она как бы вступила в полемику с другим автором, и я, возвращаясь к нему, невольно вступаю в заочную полемику с ней. Известная книга Юргена Хабермаса называется «Модерн как незавершенный проект». Идея Хабермаса состоит в том, что идеалы модерна не исчерпаны, что наша культура в своем классическом выражении содержит некий потенциал, который попросту не был раскрыт, что направленная против него критика постмодерна сняла лишь некую иллюзорную часть этого проекта, но не затронула его глубинных возможностей, что мысль о некоем смысловом единстве, питающем нашу жизнь, остается актуальной, но она не должна быть профанирована, она не должна быть подана и услышана как некое выражение наших интересов и как некие попытки производить знаки в ответ на знаки. Как раскрыть этот потенциал? У Хабермаса есть лишь смутно намеченные пути, я же думаю, что именно христианство способно это сделать.

* Цитируется по книге: Д. Эрибон. Мишель Фуко. М., 2008, с. 184.

ПОСТМОДЕРН В ЦЕРКОВНОЙ ОГРАДЕ

В культурном сообществе слово «постмодернизм» нередко используется в негативном плане. И тому есть весомые причины. Новый «изм» активно занялся нивелированием «верха» и «низа», манипуляцией имиджем и культурными кодами, которая, в сущности, связана с работой над штампами сознания читателя/зрителя. Карнавал симулякров вначале вроде бы пробудил уставших от серьезных тем любителей искусства. Но потом заставил относиться к новым акциям и перформансам со все большей и большей осторожностью. Еще бы! Авторы научились мазать не только по холсту, но и по самим зрителям, превращать их в часть художественного произведения. Да ладно превращать. Они еще нажимали на самые болезненные точки, не считаясь ни с нормами этики, ни, тем более, эстетики. Скандал стал для многих постмодернистов способом существования. Конечно, скандал как возможность пропиарить свои произведения использовался и раньше. Но в 90-е годы он превратился в глобальную художественную стратегию. Чтобы оказаться в лучах сомнительной славы, творцы нового искусства издевались над чувствами ветеранов войны, препарировали бисексуальные связи, глумились над святынями. Своеобразной квинтэссенцией подобного творчества стала выставка «Осторожно, религия!», спровоцировавшая судебное разбирательство.

Не обошел новый «изм» стороной и церковь. Многие жесты и культурологические ходы постмодернистов были повторены в церковной оgrade, хотя исполнители и не всегда понимали, что работают в новой парадигме. К таким акциям можно отнести, к примеру, костер из книг, устроенный в 1998 году в Екатеринбурге фундаменталистами. Борясь с «тлетворным влиянием Запада», они вынесли из семинарской библиотеки произведения о. Александра Меня, о. Иоанна Мейендорфа, Николая Бердяева и предали их сожжению. Подобные акции устраивали и перформансисты, скажем, г. Псой (правда, контекст их проведения был совсем иной). Софринские поделки, штампы иконописи, тиражирование итальянского клиросного пения, отчужденная телевизионная картинка богослуже-

ния, в которую погружаются все присутствующие на службе, тоже имеют самое непосредственное отношение к постмодерну в его разрушительном изводе.

Но постмодернизм отнюдь не сводится к скандалу и низкому качеству художественной продукции. Это особенно стало очевидно, когда ушел карнавал 90-х и появился госказак на неоконсерватизм и традиционные ценности. В архитектуре, живописи, поэзии стали появляться новые течения, цельные в своей замкнутости и стилистике. Но сама матрица постмодерна осталась. Потому что проект постмодерна крепко связан с модернизацией экономики. Примерно так же, как в начале двадцатого века модернизм как художественное явление был сопряжен с модернизацией всей Российской империи.

Постмодернизм допускает одновременное существование разных стилей, разных культурных кодов, он, действительно, является «пост». Но это не эклектика, и совершенно разные культурные конструкции он соединяет друг с другом благодаря комментариям и комментариям на комментарии. В сущности, это еще одна форма работы с сознанием, далекая от поэтики скандала, точечная, наукообразная. Как показывает современный опыт (скажем, работы Хирста), произведения постхристианской эпохи могут быть предельно сдержанными, холодными, политкорректными. Это ничего не меняет по сути.

Наряду с современными течениями постмодерн вообрал в себя и архаику. Поскольку в древности можно найти многое — и хорошее, и плохое — не удивительно, что фундаментализм легко вписался в новую культурную ситуацию. В то же время в постмодерне существует и Живое Предание. Точнее сказать, постмодерн интерпретирует его как одну из традиционных ценностей и в этом качестве позиционирует разные проявления Предания в культурном пространстве.

Соединив в себе множество самых разных элементов, постмодернизм в то же время безжалостно выставляет напоказ любую стилизованность, «накатанность» — будь то вторичность приема, текста или политического штампа, безразлично, консервативного или либерального. И это,

несомненно, важно не только в культурном пространстве. Время торжества «новодела», и явного, и скрытого, нуждается в очистительном — пусть при этом зачастую и издевательском — смехе, в вытаскивании «как бы традиционных» произведений и авторов из искусственной скорлупки в ситуацию, существующую «здесь и сейчас».

Конечно, радикальный отказ от этики, от духовной вертикали не позволяют Церкви смело ввести постмодернизм в церковную ограду, как это произошло с модернизмом веком раньше. Но какие-то элементы постмодерна присутствуют в жизни многих церковных общин, и иногда они не несут негативных коннотаций.

Возьмем, к примеру, переводческую деятельность. На привычный церковнославянский текст накладывается новый, русифицированный. К нему рано или поздно привыкаешь, проживаешь с ним какой-то отрезок церковной жизни, и вдруг в один прекрасный момент текст меняется, и снова начинается вхождение в новую языковую реальность, некоторые вещи наслаиваются, русский перепутывается с церковнославянским («ныне и присно... ныне и всегда»). И в итоге мы имеем абсолютно постмодернистскую по духу работу с сознанием верующих, которые неизбежно оказываются поставленными лицом к лицу с почти утерянным и оторванным от ответственного личностного прочтения *смыслом* текста, по которому раньше было так приятно бездумно скользить.

Примеры такого рода легко множить. Не только среди «модернистов», но в самых тихих, традиционных приходах можно найти постмодернистский дискурс — в поведении прихожан, в проповеди священника, в храмовом убранстве. В связи с этим повторно еще раз: не нужно говорить о постмодернизме исключительно в отрицательном контексте. И выдавливать его из себя, как предложил один из докладчиков на последней конференции Преображенского содружества, посвященной противостоянию пустоте в церкви и обществе, тоже, наверное, не стоит. Потому что постмодерн в каком-то смысле — среда обитания.

Борис КОЛЫМАГИН

ПРОСТРАНСТВА, КОТОРЫЕ МЫ РАЗДЕЛЯЕМ

Окончание. Начало на с. 1,6

Опять-таки, вот социология: мы живем в обществе, где от двух третьих до трех четвертей взрослых людей говорят, что они не могут ничего изменить в собственной жизни, она им не принадлежит, они ею не руководят. При этом они говорят, что ощущают ответственность за своих близких — ни за что больше, ни за страну, ни за место, в котором работают. А вот за близких-то точно ощущают. Но как это может быть, если ты, как признался, не можешь ничего сделать? Они вроде как и озабочены, т. е. как бы испытывают страх, тревогу, все ли сумеют уцелеть как-то, выжить, но, с другой стороны, они не чувствуют, что их усилия что-то могут сделать лучше, что они имеют какое-то продолжение. И вот это равнодушие и безответственность по отношению к собственной жизни и жизни своих близких, соединенное с тревогой за них, со страхом — это, конечно, мучительнейшее чувство. И то, что люди в нем живут привычно, и считают это противоречием, и не понимают источника этой муки, приводит к тому, что они устают, не видят в жизни смысла. Посмотрите: кто сел на скамеечку в метро — заснул немедленно или закрыл глаза, чтобы не видеть окружающих либо не уступать место (еще одна форма отказа от связи, непризнания общности). Но это же, мне кажется, неслучайная вещь. Это такая внутренняя изношенность, которая говорит, что человек носит в себе вещи, которые невозможно соединить — сознание ответственности, хотя бы за твоих близких, одновременно с признанием того, что ты не можешь в своей жизни ничего сделать, она тебе не принадлежит. А человек не понимает, что именно его проедает, пока не разрушит его полностью, что это и есть источник его внезапной агрессивности, неуважения к другому, желания закрыть глаза, чтобы никому не уступать место. Все это на самом деле очень серьезные и очень болезненные вещи. И надо бы, конечно, об этом говорить, и как-то это показывать и вытаскивать это из сферы «бессловесного». Пока что я вижу на лицах окружающих — если не брать совсем молодых людей — вот эту внутреннюю съеденность, неуверенность в себе, чувство, что «профукиваешь» свою жизнь, неудовлетворенность и колоссальное отчуждение от окружающих. При этом мы на это как-то не реагируем, мы не показываем друг другу, что у нас общие обстоятельства. Тяжелая это все штука. Т.е. работы тут, если опять-таки говорить о пастырстве — каком угодно, от искусства до духовного просвещения и наставления — просто непочатый край. Потому что это то, чего, мне кажется, российское общество почти что не знало в своей истории. Вот этой заботы о себе, о своем состоянии в связи, в многообразных связях человека с другими, вот этого воспитания, образования (по образу...) в самом серьезном смысле слова. Знало притеснения, знало агрессию, знало войну, катастрофу, голод. Этого было много, а вот целенаправленного совместного пестования собственной жизни и сознания заботы по отношению к ней, ответственности за жизнь, которая тебе дана всего-то раз... Мне кажется, только это способно поднять и общество, и отдельного человека — сознание серьезности того, что с ним происходит, и желание соединить это с сознанием других людей, и разделить, в этом смысле, ответственность за собственную жизнь с ними, и соответственно расширить ее духовные возможности, стать более терпимыми, добрыми, щедрыми. И мне этого чрезвычайно не хватает. Да что мне, я думаю, любому нормальному человеку. Чрезвычайно не хватает в окружающей жизни вот этого сознания общей ответственности и желания...

А. Алиева: Строить.

Б. Дубин: Да. Строить, просто строить. В прямом смысле слова строить — устанавливать строй, стройность. Строить все что угодно: дороги, дома, души, собственное сознание. Потому что то, какие дороги, какие дома мы понастроили, — уже видно. Ясно, что нормальные люди этого построить не могут и жить в этом невозможно. Значит, надо что-то делать, чтобы это все-таки хоть понемножку становилось чем-то другим.

Беседовала Анна Алиева, Информационная служба СФИ

Образ религии в российских СМИ

Участие религиозных организаций в разрешении общественно-политических проблем является сегодня одной из самых запретных тем в светской прессе в нашей стране. Популярные, массовые газеты и журналы и новостные программы телевидения сообщают о встречах на официальном уровне, о помпезных богослужениях и странных «сектантах», но часто ни слова не говорят о многообразии религиозной жизни — не только православной, но и жизни других неправославных конфессий и вообще других религий, которые существуют в России. Проблемы социального служения различных церквей и прежде всего Русской Православной Церкви не обсуждаются совсем. В СМИ освещаются лишь некоторые яркие социальные проекты. Дискуссионными же становятся, как правило, только те темы, которые уже невозможно замалчивать, — как, например, тема преподавания «Основ православной культуры» в школах.

Почему так происходит? Дело в особенностях религиозного сознания российского общества. Российское общество воспринимает религию парадоксальным образом, и это восприятие отличается как от европейского, так и от азиатского. С одной стороны, формально интеллигенция и широкая общественность вполне «по-западному» осознают, что принадлежность к какой-либо религиозной общине влечет за собой определенные обязанности, следствием исполнения которых становится степень влияния и социальной значимости той или иной общины в обществе. С другой стороны, в реальности вера не воспринимается как обязанность принимать участие в организованной религиозной жизни, а Церковь не рассматривается на практике как социальный институт со всеми вытекающими последствиями — участием в гражданской жизни, в социальном служении, объективной оценкой его негативных и позитивных черт.

Размытая и слабая религиозность основной массы населения, в целом невысокий уровень богословского и миссионерского образования в церковной среде при слабости гражданского общества порождают своеобразный, подчас фантастический, образ Церкви в российской прессе. Так, очень распространено восприятие православия и Церкви в качестве элемента государственной идеологии. В газетах и на телевидении информация об РПЦ подается так, как будто бы авторы стремятся жестко исполнить предписания марксизма и доказать: основная задача религии — оправдывать и санкционировать социально-экономические отношения в интересах правящего класса.

Образ Православия в светских СМИ сегодня — это образ государственного института, который освящает действия властей и является хранителем русской культуры. Этот институт изображается во всем его великолепии, в блеске внутреннего убранства кремлевских храмов, великолепии храмов, вновь строящихся при поддержке властей...

В качестве «антипода» такого «государственного» Православия СМИ предлагают другой, не менее фантастический, образ — «коварных сектантов». В эту категорию помещаются преимущественно российские протестанты. В зеркале СМИ они выглядят духовными и идеологическими врагами российской государственности, разрушителями традиционной духовной культуры, которые не останавливаются ни перед чем для того, чтобы завоевать души людей. Несколько утрируя, российская религиозная ситуация подается в современных СМИ как противостояние «шпионов»-протестантов и «государственников»-православных.

Примечательно, что популярная пресса в свойственной ей манере доводит до крайности как «помпезность» Православия, так и «уродливость» неправославного религиозного мира. Иноверцев (если брать неправославные христианские церкви) часто осуждают за то, что должно быть неотъемлемой частью церковной жизни — за обучение детей, за сбор десятины и разного рода пожертвований, за частое посещение богослужений и каждодневную молитву, за эмоциональность молитвы...

Такие карикатурные, по сути, представления о «величии» Православия или же «безумии» протестантизма делают для современной прессы невозможным разговор о религиозной жизни страны по существу. Увы, сегодня СМИ не сообщают сведений о реальной роли религиозных общин в жизни страны, о тех ценностях, которые они несут обществу, да и о вероисповедных различиях между ними. Реальные духовные и социально-политические идеалы и ценности представителей религиозных конфессий по сути остаются вне информационного поля.

У этого факта масса причин, не последняя из которых — отсутствие у самого журналистского сообщества интереса к реальному содержанию религиозной жизни. Светские журналисты сегодня зачастую нерелигиозны и не интересуются верой. Даже серьезная общественно-политическая журналистика не обращает значительного внимания на религиозную сферу, поскольку уже сложился упрощенный политический образ религиозной сферы как Православия, а Православия как того, что происходит по праздникам в Храме Христа Спасителя и изредка за его пределами.

Роман ЛУНКИН,
ответственный редактор журнала «Религия и право»,
заместитель главного редактора журнала «Современная Европа»

Уважаемые читатели!
Заканчивается подписка на «Кифу»
через Роспечать на 2009 год.
Подписаться на нашу газету можно во всех
почтовых отделениях на территории
Российской Федерации.

НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ ОСНОВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ НОМЕРОВ И АРХИВ ГАЗЕТЫ ЗА 5 ЛЕТ

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ
ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Учредитель: Региональная
общественная организация
«Культурно-просветительский
центр «Преображение»

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29, стр.1
Тел./факс: (495) 624-92-50

© РОО «Преображение». Все права защищены

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Главный редактор:
А.В. Колымагина
Зам. гл. редактора:
А.А. Буров

Электронный адрес редакции:
kifa@list.ru
Электронная версия газеты:
http://gazetakifa.ru

Над номером работали:
Анастасия Наконечная,
Елена Шевелева, Дмитрий Матвеев,
Владимир Лидский

Газета зарегистрирована Федеральной
службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного
наследия. Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-24541 от 2 июня 2006 г.

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш, Анна Лепехина

Отпечатано в типографии «Эльф»,
г. Москва, ул. Тацкая, д. 5
Тираж 1500. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать 5 ноября 2008 г.
Время подписания в печать:
по графику — 9.00, фактическое — 9.00
Дата выхода в свет 8 ноября 2008 г.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении
СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38);
в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Телефоны распространителей

Москва: (495) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769
(Ольга Филиппова), 8-916-114-6737 (Ольга Орлова),
158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова);
Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная);
Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров);

Воронеж: 8-950-763-50-35 (Александр Терехов);
Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова);
Тверь: 8-(4822)-50-2308 (Олег Ермолаев);
Тула: 8-(4872)-37-5782 (Марина Писаревская);
Электросталь: 8-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)

«КАКИЕ НОВОСТИ В ЦЕРКВИ?»...

«Новости — наша профессия». Этот слоган можно отнести не только к печально известному теперь телеканалу из трех букв, где много криминала и мало новостей, но и к нам, журналистам, пишущим о Православии. Однако сегодня можно открыть практически любой православный сайт и с удивлением обнаружить, что новостей мало, а их содержание часто можно определить словами «официоз» или «хроники нашего епископа». До сих пор на некоторых интернет-ресурсах можно встретить материалы о Пасхе, опубликованные в июле, и «анонс» мероприятия, произошедшего месяц назад...

К счастью, в последнее время ситуация меняется в лучшую сторону — появляется много действительно неплохих епархиальных сайтов, на которых размещается оперативная авторская информация (сайт информационного агентства Санкт-Петербургской митрополии «Вода живая» (www.aquaviva.ru) — прекрасный тому пример). Тем не менее, проблемы с новостями в нашей православной прессе остаются, и их суть можно свести к слову «недостаточно». Недостаточно людей, опыта, финансирования, заинтересованности со стороны священноначалия и читателей.

Однако, по моему глубокому убеждению, новости о Православии в России делать нужно, а значит — стоит попробовать сотворить приличный проект при весьма скромных ресурсах. Что же для этого должен сделать журналист?

Первая задача — найти источник информации. Это могут быть и собственная сеть корреспондентов или духовенства по всей епархии (если речь идет о епархиальных сайтах), и новостные ленты основных светских и церковных информагентств (РИА-Новости, Интерфакс-Религия, Патриархия.ру, Седмица.ру, и так далее). Во втором случае, для облегчения работы стоит создать упорядоченную таблицу ссылок на ресурсы, не забывая периодически ее обновлять. Такой индивидуальный каталог ссылок сильно облегчает работу новостника. В любом случае, в тексте новости должна присутствовать ссылка на источник информации (либо на собственного корреспондента агентства, либо на то или иное издание).

Важно: новость должна быть «свежей». Увы, сегодня даже официальным церковным изданиям добиться таких новостей нелегко. Во многих епархиях представители пресс-служб вынуждены в буквальном смысле слова умолять священнослужителей, чтобы они рассказали о тех событиях, что происходят в их храме. Иногда получаются печальные и курьезные случаи. Приходский священник может рассказать об освящении храма, которое произошло неделю назад. По меркам прихода это совсем недавнее, «свежее» событие, но по правилам интернет-журналистики — это уже безнадежно устаревший материал...

Итак, получив необходимую информацию от источника, нужно определиться с содержанием новости. Важно помнить, что основой для любой новости является информационный повод. Это может быть и событие из жизни епархии (освящение и закладка храма, приезд иностранной делегации, открытие новой воскресной школы), и мнение или суждение конкретного человека о событии, явлении или проблеме, с которым мы считаем нужным ознакомить читателя. Поэтому при изготовлении новостей можно использовать тексты самых разных жанров. Это и интервью известных людей, и статьи на религиозные темы, и официальные документы той или иной конфессии. Последнее немаловажно. Стоит отметить, что превращая интервью, статью или документ в новость, мы вводим его в медийное пространство. Мало кто будет по собственной воле читать многостраничный доклад церковного иерарха, — но, разбив его на несколько новостей и дав ему броский заголовок, журналист дает тексту новую жизнь и вызывает интерес к первоисточнику. При составлении таких новостей следует учитывать несколько правил: к цитируемому фрагменту документа должна быть подводка, кото-

рая рассказывает о том, кто, когда и где произнес этот текст, само сообщение не должно содержать разные темы (например, нельзя под общим заголовком делать новость о сотрудничестве Церкви и СМИ и о числе храмов в епархии) и не должно сопровождаться какими-либо комментариями или оценочными суждениями, способными исказить смысл фрагмента.

Важно (начинающие журналисты часто об этом забывают): пресс-конференция, круглый стол, интервью — это не информационный повод, не событие. Это лишь способ оповещения о нем журналистов. Читателя интересует не то, что произошла конференция, а то, какая информация на ней была обнародована, кто и что сказал по какому поводу.

Затем следует определиться с заголовком новости. Не секрет, что многие люди сперва проглядывают название текста, а уж потом решают, читать или не читать его. Заголовок новости должен отвечать нескольким признакам. Во-первых, как это ни банально, он должен соответствовать содержанию новости, описывать самую суть ее — тот самый информационный повод. Далее, заголовок должен быть по возможности кратким. Например, вместо «Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II встретился с чрезвычайным и полномочным послом Зимбабве господином NN» вполне можно написать «Патриарх Алексий II встретился с послом Зимбабве». Таким образом, всегда можно отказаться от лишних титулов и званий, не несущих дополнительной конкретной информации. Кроме того, заголовок должен быть корректным. Не очень хорошо выглядит название: «Кровавые и злобные сектанты встретились с представителями единственной истинной Церкви». Лучше написать: «Состоялась встреча между представителями разных христианских конфессий». Точно так же в заголовках следует избегать излишней «желтизны», которая в отношении религии иногда просто недопустима (пример несоблюдения этого правила — печально известный «карикатурный» скандал, связанный с публикацией в датских газетах карикатур на пророка Мухаммеда).

Если же говорить о самом тексте новости, то нужно помнить как о форме, так и о содержании. Что касается формы, в новостях следует стремиться к краткости, избегать вводных слов и излишней эмоциональной окраски. Задача журналиста, в том числе и православного, — не проповедовать, а предоставлять читателю информацию. В связи с этим, не стоит в новостях пересказывать текст жития святого и заканчивать публикацию словом «аминь», поскольку это противоречит самому принципу работы журналиста и вводит в заблуждение читателя, которому предлагается не рассказ о событиях, а фактически богослужебный текст, используемый в церкви.

Если говорить о содержании, то важно, чтобы текст новости был четко структурированным. Самая важная информация помещается обычно в самом начале новости — в первых двух-трех предложениях. Справочные, исторические данные, вся второстепенная информация — напротив, помещаются ближе к концу. И стоит следить за тем, как используется знак «абзац» (он должен разделять смысловые части текста; лучше, если абзацы будут не очень большими (до 1000 знаков)).

Наконец, еще один важный совет: опять же, как это ни банально, текст должен легко читаться. Некоторые редакторы в этой связи советуют авторам прочитывать свои тексты вслух перед отправкой в издание и даже «пропевать» их на какую-то мелодию — так сразу видны все «огрехи».

Андрей ЗАЙЦЕВ, обозреватель портала
«Религия и СМИ» (www.religare.ru)

Мы благодарим редакцию сборника «Школа профессиональной журналистики «Вода живая»: Материалы семинаров 26-28 мая 2008 года» (СПб) за возможность опубликовать фрагменты некоторых статей сборника